

3. Zhuravlev A.P. *Foneticheskoe znachenie* [Phonetic meaning]. Leningrad, 1974, 160 p.
4. Nosina V.B. *Simvolika muzyki I.S. Bakha i ee interpretatsiia v «Khorosho temperirovannom klavire»* [The symbolism of music of I.S. Bach and its interpretation in the «Well-Tempered Clavier»]. Moscow, 1991, 214 p.
5. Pavlovskaja I.Iu. *Zvukosimvolizm i vospriatie prozaicheskogo khudozhestvennogo teksta* [Sound symbolism and perception of artistic prose text] *Myshlenie i tekst*. [Thinking and text]. Ivanovo, 1992, pp. 110–120.
6. Pavlovskaja I.Iu. *Fonosemanticheskii analiz rechi* [Phonosemantic analysis of speech]. St. Petersburg, 2004, 291 p.

7. Iavorskii B.L. *Stat'i, vospominaniia, perepiska*. [Articles, memoirs, correspondence]. Moscow, 1972, 814 p.
8. Magnus M. What's in a Word? Studies in Phonosemantics. Submitted to NTNU for evaluation for the degree 'Doctor Philosophiae' 4/20/01. 210 p. Available at: <http://bookfi.net/book/1378112> . (accessed 25.08.2016.)
9. Ohala J.J. Sound symbolism. *Proceedings of the 4th Seoul International Conference on Linguistics [SICOL]*. 11-15 August 1997, pp. 98-103;
10. Ohala J.J. *Sound Symbolism*. Leanne Hinton, Johanna Nichols, John J. Ohala (eds). Cambridge University Press, 1994. Transferred to digital press: 2004. Available at: <http://bookre.org/reader?file=1469022&pg=5> (accessed 25.08.2016).

УДК 821.16.1

Т.А. Пономарева

Московский педагогический государственный университет

«ИЗБЯНЫЕ ПЕСНИ» Н. А. КЛЮЕВА: ФОРМИРОВАНИЕ ЦИКЛИЧЕСКОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ

В статье рассматривается творческая история стихотворного цикла Н. А. Клюева «Избяные песни», посвященного матери поэта. «Избяные песни» были созданы в 1914–1918 гг. Цикл занимает промежуточное положение между «запрограммированной» и «незапрограммированным» цикловой формой. Но философская концепция цикла – смерть человека как сиротство дома-мира и ее преодоление через понимание вечного кругооборота смерти-рождения и через идею христианского Спасения сформировалась в художественном сознании поэта уже в 1914 году, когда появились первые публикации стихов из будущего цикла.

Цикл, подборка, сборник, циклическое единство, «избяной космос», мотив осиротелого дома.

This article focuses on the creative history of Nikolai Klyuev's poetic cycle "Songs of the Izba" (1914-1918), dedicated to the poet's mother. The cycle occupies an intermediate position between the two basic forms of poetic cycles: those initially conceived as such, and those which are formed after the separate composition and even publication of the individual poems which subsequently form them. The philosophical concept of the cycle – that the death of a human being renders the world of an orphan, a state which can be overcome only through an understanding of the eternal cycle of death and birth and through the idea of Christian salvation – was presented in Klyuev's artistic consciousness as early as 1914, when the first publications of poems from the future cycle took place.

Cycle, selection, compilation, cyclic unity, "isbanoi space" motif orphaned houses.

Введение

Цикл «Избяные песни» Н.А. Клюева, посвященный памяти матери, – одно из ключевых произведений поэта. В нём впервые во всей полноте была воплощена концепция «избяного космоса» олонецкого художника, продемонстрировано мифопоэтическое мышление новокрестыанской литературы. «Избяные песни» состоят из пятнадцати стихотворений и представляют собой авторский цикл, занимающий пограничное положение между «запрограммированным» и «незапрограммированным» цикловым образованием, ибо объединение стихотворений произошло, когда часть из них была опубликована как самостоятельные тексты.

Основная часть

Циклическое единство «Избяных песен» уже рассматривалось на мотивном, хронологическом, символическом, предметном уровнях. В.Г. Базанов видел его в фольклорной и религиозной основе [1], Л.И. Киселева – в мифологическом коде, образу-

щем подтекст стихотворений [6, с. 103]. По мнению Э.Б. Мекша, «хотя цикл и был непосредственным сыновым откликом на смерть Парасковьи Дмитриевны, он, тем не менее, явился концептуальным обоснованием художественного мира Клюева, его «избяного космоса с чётко выделенным центром – женщиной-матерью, являющейся своеобразным мировым деревом, поддерживающим равновесие всех элементов мироздания» [16, с. 13]. Но процесс становления цикловой целостности, возникновение внутрицикловых содержательных и формообразующих «скреп» при объединении отдельных произведений оказались за пределами внимания литературоведов. Какие смыслы добавляются при включении в подборку новых стихотворений, как они сопрягаются со «старыми» компонентами текста?

Мать Клюева умерла в ноябре 1913 года, а первые стихи из будущего цикла появились в 1914 году. Как цикл «Избяные песни» впервые были напечатаны во втором альманахе «Скифы» в 1918 году. Но и после этой публикации его состав менялся. Полно-

стью цикл с посвящением «Памяти матери» был представлен во второй книге «Песнословия» (1919). В оглавлении были помечены лишь 11 стихотворений, очевидно, из-за технических причин, так как счет страниц начинался с девятой. Не были указаны первые три стихотворения и шестое. При этом 2-е и 3-е были напечатаны слитно как один текст. То же произошло с 5-м и 6-м стихотворениями¹. Последующие перепечатки цикла были ориентированы на «Песнослов», но уже без такого рода ошибок.

И, тем не менее, в берлинское издание «Избных песен» 1920-го года было включено только 12 стихотворений без посвящения. Они были дополнены двумя стихотворениями уже известными читателям «Судьба старуха нищет нить» (1915) и «Рыжее жнивье» (1915), без обозначения нового раздела. Снятие посвящения могло быть обусловлено желанием автора чтобы цикл воспринимался в первую очередь не как поминальный, а как воплощение философии «избного космоса», ибо в этот период главным содержанием поэзии Клюева было воспевание крестьянской «белой Индии». И два «нецикловых» произведения этому соответствовали. Отсутствие же мотива памяти в их содержании объясняет, почему позже они не включались в цикл.

Последнее прижизненное издание «Избных песен» состоялось в сборнике «Изба и поле» (1928). В письме к М. Горькому Клюев сетовал, что «в книге не хватает девяноста страниц, не допущенных к напечатанию» [11, с. 263]. Урезанными оказались и «Избные песни», не осталось даже общего заглавия. 10 стихотворений из цикла вошли в раздел «Изба» с нарушением их последовательности, очевидно, не по авторской воле. Это разрушило композиционное и смысловое единство цикла. Причина «редукции», по всей видимости, кроется в явных евангельских реминисценциях. К тому же, стихотворение «В селе Красный волок» с идеологически выверенных позиций могло восприниматься как идеализация «кулацкой» деревни, в чем неоднократно упрекали поэта.

Итак, первая публикация стихотворений из будущего цикла состоялась 1914 году. «Осиротела печь» (3-е) с посвящением «Памяти матери» было напечатано в №4 «Ежемесячного журнала» В.С. Миролубова, «Вешние капли, солнцек и хмара» (14-е) и «Ворон гает к теплу, а сорока к гостям», завершающее цикл, появились в «Северных записках» (№5). Уже в начале первого напечатанного стихотворения тема смерти и мотив осиротелого дома переходят в тему жизни и мотив преодоления смерти через включенность человека в природный кругооборот:

Осиротела печь, заплаканный горшок
С таганом шепчутся, что умерла хозяйка,
А за окном чета доверчивых сорок
Стрекочет: «Близок май, про то, дружок, узнай-ка!» [10, с. 234].²

¹ Нумерация стихотворений указывается в соответствии с завершённым вариантом цикла.

² Далее все стихотворения Клюева цитируются без указания страниц в тексте по изданию: Клюев Н.А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб., 1999.

Восприятие бытия в единстве смерти и рождения, мотив торжества жизни станут смысловым центром всего цикла.

Образ хозяйки обуславливает появление предметных деталей крестьянского дома и обихода. Дом-изба переживает сиротство: *осиротела печь, горшок заплакан, вихрастая мочалка тоскует*. Прием антропоморфизма указывает не только на фольклорную традицию, но и на усвоение опыта модернизма с его сопряжением состояния лирического героя и вещного мира.

Ключевыми образами стихотворения, входящими в мотив весеннего возрождения природы, являются птицы как вестники весны – сороки, снегири, дятел, галка, воробей, журавли, последние служат также посредниками между земным и небесным мирами. Клюевский звучащий мир, как и в поэзии Есенина, воплощает полноту бытия. Знаком пробуждения природы становится солнце: *«на солнце вылез крот», «в окне кудель лучей»*. Конкретное значение – солнце как примета весны – переходит в символическое, образ солнца во всем цикле знаменует торжество жизни, а цикловой сюжет определяется борением мотивов света и темноты, жизни и смерти. В первом стихотворении жизнеутверждающая доминанта связана лишь с природным бытием. Дом только мечтает о солнце и утраченной гармонии: «теперь бы... мир вокруг – пространство темноты: «Насупилась изба, и оком оловянным// Уставилось окно в капель и темноту».

Темнота в стихотворении, как и во всем цикле, осмысливается двояко – в прямом, «природном» значении (вечер, сумерки, ночь) и в переносном как характеристика состояния лирического героя и осиротевшего дома. Пейзажные описания проецируются на мироощущение героя, Переплетение мотивов света и тьмы характерно и для стихотворения «Вешние капли, солнцек и хмара». Хмара, т.е. туча, облако, темнота, на первый взгляд, доминирует в тексте. Но его эмоциональный фон связан с тишиной, покоем, гармонией избного уклада:

Тихий, мерный ужин, для ночлега лавка,
За оконцем месяц – божья камилава,
Сон сладимей сбитня, петухи спросонок,
В зыбке снегиренком пискнувший ребенок...

Мотив избного лада как утверждение победы жизни над смертью объясняет, почему в завершённом цикле это стихотворение станет предпоследним. Образ пискнувшего снегиренком ребенка, который не имеет никакой автобиографической основы, символизирует восстановление избной гармонии, как и упоминание «Херувимской песни»:

От печного дыма ладан пущ сладимый,
Молвь отшельниц-елей: «Иже херувимы!..»

Как известно, во время Херувимской песни на Литургии совершается Великий вход, который «олицетворяет Вход Господень в Иерусалим: Иисус идет на Свое страдание. Это победа, которая дается Господу через видимое поражение, это принятие на себя

через любовь и смирение всех грехов мира с тем, чтобы этот мир был спасен» [18]. Победа над смертью – главная тема последнего стихотворения цикла, опубликованного также в 1914 году. Клев использует «отрицательный» прием усиления: перечисляются одиннадцать народных календарных и бытовых примет, семь из которых предсказывают несчастья или утраты. Заключительные строки не отменяют смерть в земном мире, но преодолевают её упованием на Спасение и Божью помощь:

Семь примет к мертвецу, но про них не теперь –
У лесного жилья зааминена дверь,
Под порогом зарыт «богородицын сон», –
От беды-худобы нас помилует он.

«Сны Пресвятой Богородицы» – это неканонические молитвы, духовные стихи- оберег. «Богородицын сон» использовался «как заговор “на дом” с традиционной “закрепкой” – “аминь”, отсюда у Клюева и изображена “зааминенная” дверь <...> Заговорная возможность духовного стиха «Сон Богородицы» возникла как христианская антитеза языческому чародейству, связанному с сон-травой» [16, с. 36–37]. Если сон-трава, по языческим повериям, предсказывает спящим добро и зло, то духовный стих ничего не предсказывает, а имеет охранительную функцию. У Клюева он является служит также отсылкой к Богородице как заступнице и покровительнице Руси.

В.П. Гарнин полагает, что к 1914 году относится и стихотворение из «Избятных песен» – «От сутёмок до звёзд». Об этом говорит лист с автографом стихотворения «В суслонах усатое жито», датированный августом 1914 года. На нем перечислены тексты, подготовленные Клюевым для публикации в журнале «Заветы». Среди них есть и «От сутёмок до звёзд». Публикация не состоялась, так как журнал был закрыт [4, с. 862–863]. А стихотворение увидело свет только в 1918 году. Тональность текста, мотив осиротелого дома, одиночества также могут свидетельствовать в пользу гипотезы В.П. Гарнина.

Итак, общая концепция жизни/смерти, ставшая основой цикла, существовала в художественном сознании поэта изначально: смерть человека как сиротство человека и дома-мира и ее преодоление через сопричастность Небу, веру в Спасение. Но в первых стихотворениях цикла идея соразмерности крестьянского бытия, образ «избяного космоса», который рождался у Клюева в эти годы, присутствуют еще в «зародыше», не прорисован и облик умершей хозяйки. С этим связана работа поэта над циклом и сакрализация образа матери.

В конце 1914 года у Клюева уже сложилась идея единства стихов памяти матери. Он извещает В.С. Миролубова: «Вскоре пришлю Вам “Избяные песни”» [Цит по: 4, с. 869]. В январе 1915-го стихи были посланы с припиской: «Шлю Вам “Избяные песни”». Радостно бы увидеть их в “Ежемесячном журнале”. Песни немногословные и потому желательно бы их напечатать в одном № в указанном порядке, который имеет мысль и, по-моему, обостряет впечатление [12, с. 107]. И в третьем номере

«Ежемесячного журнала» 1915 года появляется подборка из трех стихотворений уже с общим посвящением «Памяти матери» – «Лежанка ждет кота», «Хорошо ввечеру при лампадке», «Бродит темень» по избе» (2-е, 7-е, 10-е). Это свидетельствует о том, что в сознании поэта подборка воспринимается как смыслообразующее единство, скрепленное общей мыслью (концепцией жизни/смерти и некоторыми мотивами) и общим «впечатлением» (формой). Единство закреплено общим авторским заглавием. Но соотносимость отдельных текстов, внутренний сюжет цикла еще будут меняться.

Какие образы и мотивы первых стихотворений получают дальнейшее развитие в текстах 1915 года и какие новые черты приобретет цикл? Мотив мечты об «избяном солнце», «сказке без конца» переходит в мотив ожидания: «Лежанка ждет кота, пузан-горшок хозяйку.// Объявятся они, как в солнечную старь».

Повторяющийся образ солнца выявляет закономерность: солнце, мотив гармонии всегда связываются с образом матери, атмосферой избы при ее жизни. В отсутствии хозяйки изба и её обитатели – от сына и деда до курицы-рябки – погружаются в *унылый сумрак*. Ожидание матери еще несбыточно: «Увы, напрасен сон»; «хозяйка в небесах». Этим обусловлено то обстоятельство, что впоследствии Клюев поставит стихотворение «Лежанка ждет кота» вторым, а «Осиротела печь» третьим, что упорядочит композицию и логику движения мотивов: напрасные ожидания рождают чувство сиротства дома и сына.

При изменении последовательности усиливается роль предметных деталей. Дом опустел (пусты печка и горшок, курица напрасно ждет крошек), все ждут хозяйку, а затем вещи осознают свое сиротство. Некоторая аллогичность, возникающая при перестановке текстов (во втором стихотворении «с мурлыки сшита шапка», а в третьем – он жив), с одной стороны, служит свидетельством, что цикл собирался по мере написания стихов, посвященных матери, а с другой, может быть объяснена тем, что кошка – постоянный житель крестьянской избы (охотница на мышей и священное животное) – и в этом смысле «вечна». Кроме того, «отступления от хронологического и причинно-следственного принципов формирования сквозного сюжета и значительное увеличение ассоциативных сцеплений внутри него» были нередки уже в цикловых формах старших символистов. Они говорят о том, что ядром цикла в лирике XX века становится либо автобиографический образ поэта в его мифологизированной ипостаси [5, с. 10], либо концепция бытия, раскрываемая через описание героя и окружающего мира, как в творчестве Николая Клюева.

В цикле нет эксплицитно выраженного лирического Я, но его образ присутствует в тексте: это человек скорбящий, переживающий утрату родного человека. В 7-м стихотворении «Хорошо ввечеру при лампадке», также вошедшим в подборку 1915 года, преобладают эмоции лирического героя. Начинается стихотворение с образа светлой печали: «погрузить и поплакать втишок». Субъект лирического

переживания наблюдает за тихим продолжением жизни в доме: кот уже не играет с клубком, а сидит на лежанке, «спит лохань, и притихла метла», молчит дед. Но это тишина грусти, а не покоя. «Дед безмолвен», ибо провидит Судьбу и живет в ожидании своей смерти, недозванный чулок напоминает о «милом умершем». Образы света и тьмы сопутствуют настроению тихой грусти и сменяют друг друга. Темнота в избе рассеивается с полусветом лампадки. Вместо «унылого сумрака» («Осиротела печь») – божничные сумерки. Лучи над опушкой, догорающие «виденьем креста», рассеивают «лохмотницу мглу». Клюев использует почти равнозначные слова – *сумрак* (2-е стихотворение), *сумерк* паперти (3-е) и *сумерки* (7-е), но контекстуальные значения их несколько различаются. *Унылый сумрак* характеризует состояние сиротства. *Сумерк паперти*, баюкающий мечту, создает ощущение полусна-полуяви героя, воспринимающего тихий погост для нового жилья сквозь призму вечного. *Божничные сумерки* дополняют цепочку образов неяркого света в избе и в природном мире – лампадка, догорающие лучи. Завершается стихотворение горестным отчаянием героя: «О, Боже – / Завтра год, как родная в гробу!». Эти строки указывают и на время написания стихотворения – конец 1914 года.

В дальнейшем Клюев усиливает мотивы, связанные с преодолением горя и победой над смертью. При этом конкретное переходит в философское, речь идет уже не столько о психике отдельного человека, сколько о вечной жизни человечества. Примером мифологического сюжета борьбы тьмы и света, добра и является стихотворение «Бродит темень по избе» (10-е в цикле), также напечатанное в 1915 году. В «природном» смысле *зорька* побеждает *темень*, в символическом – повержены силы зла: услышав «заутренние звоны, умолкает разыгравшийся «балалайкою в трубе» бесенок», «в дымовище сгинул бес». Конфликт приобретает всеобщий характер, разворачивается не только в пространстве избы, а во вселенском масштабе. И уже «одолеет судьбу змею» // Скачет пламенный Егорий». Клюев прибегает к контаминации фольклорно-мифологического и библейского сюжетов – так называемого «Малого Стиха о Егории Храбром» («Егорий и змей»), который восходит к книжной легенде «Чудо о святом Георгии и Змии», – и новозаветного предания о схождении Иисуса в ад и освобождении грешников. Образ судьбы-змеи является отсылкой к Первому посланию к Коринфянам апостола Павла (1 Кор. 15:55) и («Огласительному слову на Пасху» святителя Иоанна Богослова: «Смерть! где твоё жало? ад! где твоя победа?», – которое в свою очередь имеет источником пророчество ветхозаветного Осия (Ос. 13.14).

Знаком попрания ада у Клюева служит явление Богородицы: «Богородицына тень, Просияв, сошла с иконы». Аллюзия на духовные стихи о схождении богородицы на землю контаминируется с преданиями о небесных покровителях, которые сходят с иконы в материально-телесном облике, чтобы помочь людям в их трудах: «На задворки вышел Влас // С вербой, в венчике сусальном». Появление небесных

сил предсказывает будущий «золотой воскресный час,/ Просиявший в безначальном».

В майском номере «Ежемесячного журнала» за 1915 год было напечатано еще одно стихотворение Клюева «Заблудилось солнышко в корбах темнохвойных» (8-е в цикле). Образ «моей жадобной» «в сарафане сборчатом, // В камчатом наоснике, воспринимается как воспоминание о матери, сидящей за прялкой, но может истолковываться расширительно – желанная (*жадобная*) женщина-хозяйка, символ продолжения жизни в доме-избе. Солнышко после смерти матери воспринимается как «ходок от маминной праведной души», как знак «то-светной стороны». С уходом матери мир погружается во «мглу незрячую», которую водит «поводырка жуть». Образ «злых людей», от которых солнышко «бежит» в лесную чащу, по-видимому, навеян Первой мировой войной. А картина осени возвращает к поминальным дням. Стихотворение переливается с ранее опубликованным «Хорошо ввечеру при лампадке» («завтра год, как родная в гробу»). Возможно, что оба текста были написаны тогда, в осеннюю поминальную пору, на которую приходится Дмитриевская родительская суббота и годовщина смерти Прасковьи Дмитриевны. Ключевым в «Заблудилось солнышко» является образ праведной души, который получит развитие в стихотворениях 1916 года.

«Четыре вдовицы к усопшей пришли» было напечатано с посвящением матери в сборнике «Страда» (апрель 1916). В альманахе «Скифы» и во всех последующих изданиях, за исключением сборника «Изба и поле» (1928), «Четыре вдовицы» открывают цикл.

Новым в стихотворении были обрядовые и поминальные мотивы, а также сакрализация матери:

Четыре вдовицы к усопшей пришли...
Крича, бороздили лазурь журавли,
Сентябрь-скопидом в котловин сундуки
С сынком-листодером сыпал медяки.

«Поминальные дни сентября» связаны не только с умершей матерью, но прежде всего с завершением годовичного природного цикла, с праздником Рождества Богородицы (8 сентября). Соединение Рождества Богородицы с днём смерти матери, умершей в ноябре, – символ ее праведности, на это указывает и обнова умершей – стихарь, то есть одежда священнослужителей и прислужников-мужчин. Главное же свидетельство праведности матери, ее сближение с Богородицей – вознесение: душа еще не погребенной матери оказывается на небе, журавли как вестники небесного мира несут её «за моря, где солнцеву зубку качает заря, где в красном покое дубовы столы, от мис с киселем, словно кипень белы», где ее встречают «Митрий Салунский, с Миколою Влас» и «Креститель Иван». По церковным представлениям душа умершего попадает на небо после сорокового дня.

Клюев этнографически точно воссоздает обряд приготовления к похоронам, описывая ритуальные действия четырех вдовиц, готовящих тело к выносу и отгоняющих несчастья, «чтоб печка-лебедка, как

допрежь, сытовые хлебы пекла», «чтоб немочь ушла, как мертвец на погост». Особенность похоронной обрядовости заключается в том, что она имеет целью обеспечить «благополучие» в загробной жизни и предохранить живых от преждевременной смерти. По обычаю в ритуале приготовления к похоронам участвовали посторонние женщины (от одной до трех), вдовы или старые девы, то есть люди без плотских грехов. Ключевские «четыре вдовицы» – свидетельство особого почтения к умершей.

Начальное место данного стихотворения в цикле обусловлено актуализацией темы памяти. Память воскрешает события смерти, отношение к которой может рассматриваться «как индикатор жизни» [19, с. 43]. Этот «индикатор жизни», который уже существовал уже в первом по времени написания стихотворении «Осиротела печь» (1914), посвященном матери, и который в стихотворении «Ворон грает к теплу» (1915) раскрывался через «отрицание» народных примет, предвещающих несчастье, в «Четырех вдовицах» представлен как ритуал изгнания смерти из дома, где она только что побывала. Охранительный мотив связывает «Четырех вдовиц» с другим стихотворением диптиха 1916 года «Шесток для кота», в котором повторяются образы печки, символа избытного благоденствия и тепла, кота, готового отогнать смерть трясогузую». Создается образ гармонии, которую не может разрушить «прожорливый рок».

Дом-изба – ядро крестьянского мира, этим объясняется появление в составе «Избяных песен» стихотворения «В селе Красный Волок», которое впервые было опубликовано во втором сборнике «Скифы» (1918) и точная дата написания которого неизвестна. Ключев поместил его между стихотворениями 1916 года – «Зима изгрызла бок у хлеба» и «Коврига свежа и духмяна». Тем самым выстраивается логическая цепочка – от образа избы, «где смолкли горести и боль», к картине цветущей жизни крестьянского села: «Лебедушки девки, а парни как мед»; «старухи в долгушках, а деды – стога, Их рассказы внукам милей пирога». Прием гиперболизированного усиления позволяет создать опозитизированный старообрядческий уклад «пригожего народа».

Кроме стихотворения «В селе Красный Волок», во второй сборник «Скифов», впервые явивший читателям «Избяные песни» как сложившийся цикл, были включены еще два новых текста – «От сутёмок до звезд» (9-е) и «Весь день поучатся правде твоей» (6-е), в них найдут продолжение мотивы одиночества, борения света и тьмы в природе и душе героя, мотив возвращения. Мать возвращается «бесплотной гостей» из небесного рая, чтобы укрепить душу сына и внести умиротворение в избыной мир. Избранное автором местоположение стихотворения «Весь день поучатся правде Твоей» в составе цикла обнажает логику сюжетного строения цикла: тоска сына и осиротелого дома по матери-хозяйке – надежда на возвращение прежней жизни – ожидание – возвращение матери вначале бесплотной гостей как покровительницы родного дома, а затем в облике Богородицы на иконе как символ обретения гармонии. Сакрализация матери, мотив ее праведно-

сти (не случайно вновь появляются журавли как вестники небесного мира) достигает кульминации в стихотворении «Бродит темень по избе», которым заканчивались «Избяные песни» в альманахе «Скифы».

Выводы

Итак, работа Н.А. Ключева над циклом «Избяные песни» продолжалась пять лет – с первых публикаций 1914 года до «Песнослава», ставшего итогом творчества поэта полутора десятилетий. Она свидетельствует о концептуальном подходе к собиранию цикла, в основу которого положена философия «избяного космоса». Развития темы жизни/смерти в цикле определяется движением от события смерти к победе над нею – личной (вера лирического героя в продолжение жизни матери в раю в первом стихотворении) и общей, обусловленной народным упованием на Спасение и идею Воскресения (последнее стихотворение).

Литература

1. Базанов В.Г. С родного берега: О поэзии Николая Ключева. Л., 1990. 241 с.
2. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточно-славянских обрядов. СПб., 1992. 240 с.
3. Бердяева О.С. Нравственная проблематика и эстетическое своеобразие цикла Н.А.Ключева «Избяные песни» // Традиции в контексте русской культуры: Сборник статей и материалов. Череповец: ЧГПИ, 1993. Ч. 2. С. 106–112.
4. Гарнин В. П. Примечания// Ключев Н.А.Сердце Единорога. СПб., 1999. С. 827–987.
5. Горбатова Е. А. Специфика лирических форм в лирике русских поэтов 1880–1890-х годов: автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1916. 18 с.
6. Киселева Л.А. Цикл «Избяные песни» Н.А. Ключева в творческой биографии Есенина // О, Русь, взмахни крылами. Есенинский сборник. Вып. 1. М., 1994. С. 95–104.
7. Ключев Н.А. Изба и поле. Избранные стихотворения. Л., 1928.
8. Ключев Н.А. Избяные песни. Берлин, 1920.
9. Ключев Н.А. Песнослов. Кн. 2. Пг., 1919.
10. Ключев Н.А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб., 1999. 1071 с.
11. Ключев Н.А. Словесное древо. Проза. СПб., 2003.
12. Ключев Н.А. Я славлю Россию: Автобиографическая проза // Литературное обозрение. 1987. № 8. С. 101–112.
13. Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обряды у русских: связь живых и умерших // Православная жизнь русских крестьян XIX – XX веков. Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 72–87.
14. Кудряшов И.В. О, кто поймет, услышит Псалмов высокий лад?": мотивы и образы песен царя Давида в поэзии Н. Ключева. URL: <http://kluev.org.ua/collegium/kudrjashov.php> (дата обращения 02.июля.2016).
15. Логинов К.К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. Петрозаводск, 2010. 413 с.
16. Мекш Э.Б. Избяные песни // Мекш Э. Б. Образ Великой Матери (религиозно-мифологические традиции в эпическом творчестве Николая Ключева. Даугавпилс, 1995. С. 11–38.
17. Молебные пения. URL: http://liturgy.ru/trebi_molebniepenia (дата обращения 2 июля 2016).

18. Протоиерей Алексей Уминский. Божественная Литургия. Объяснение смысла, значения, содержания: Херувимская песнь. URL: [http:// pravoslavie.by](http://pravoslavie.by) Херувимская песнь (дата обращения 20 апреля 2016).

19. Разумова И.А., Барабанова Л.А. Ситуация погребения и похоронный ритуал с точки зрения взаимодействия социальных институтов // Труды Кольского научного центра РАН. Серия Гуманитарные исследования. 2012. №1 (12). Вып 3. С. 42–60.

20. Редько Я.П. Поэтика цикла «Избанные песни» Н. Клюева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1997. URL: [http:// www.cheloveknauka.com/poetika-tsikla-izbyanye...klyueva](http://www.cheloveknauka.com/poetika-tsikla-izbyanye...klyueva) (дата обращения 20 апреля 2016.)

References

1. Bazanov V.G. *S rodnoho berega: O poesii Nikolaia Kl'ueva* [On native shores: the poetry of Nikolai Klyuev]. Leningrad, 1990. 241 p.

2. Baiburin A.K. *Ritual v tradicionnoi kulture: strukturalno-semanticheskii analiz vostochno-slavianskikh obryadov* [The ritual in traditional culture: the structural-semantic analysis of East Slavic ceremonies]. St. Petersburg, 1990. 240 p.

3. Berdiaeva O.S. *Nravstvennaia problematika i esteticheskoe svoeobrazie tsikla N.A. Klyueva "Izbyanye pesni"* [Moral issues and aesthetic identity of the cycle by N.A. Klyuev "Songs of the Izba"]. *Traditsii v kontekste russkoi kultury: sbornik statei i materialov*. [Tradition in the context of Russian culture: Collection of articles and materials]. Cherepovets, 1993. V. 2. pp. 106–112.

4. Garnin V.P. *Primechaniia* [Comments]. *Kliuev N.A. Serdtse edinoroga* [Klyuev N.A. "Heart of the Unicorn"]. St. Petersburg, 1999. pp.827–987.

5. Gorbatoeva E.A. *Spetsifika liricheskikh form v lirike russkikh poetov 1880-1890 godov: avtoref. cand. diss... filol. nauk* [The characteristics of the lyric forms in the poetry of Russian poets of the 1880-1890-ies. Abstract kand. filol. sci.dis]. Moscow, 1916, 18 p.

6. Kiseleva L.A. *Tsiki N.A. Klyueva "Izbyanye pesni" v tvorcheskoi biografii Esenina* [Cycle N.A. Klyuev's "Songs of the Izba" in the creative biography of Esenin]. *O, Rus' vmachni kryllami. Eseninskiy sbornik* [Oh, Rus, spread your wings. Esenin collection] Vol. 1. Moscow, 1994, pp. 95–104.

7. Kliuev N.A. *Izba i pole. Izbrannye stikhotvorenia* [Izba and field. Selected poems]. Leningrad, 1928, 107 p.

8. Kliuev N.A. *Izbyanye pesni* [Songs of the Izba]. Berlin, 1920. 30 p.

9. Kliuev N.A. *Pesoslov* [Pesnoslov]. Vol. 2. Petrograd, 1919. 256 p.

10. Kliuev N.A. *Serdtshe edinoroga. Stikhotvoreniia i poemu* [Heart of the Unicorn. Verses and poems]. St. Petersburg, 1999. 1071 p.

11. Kliuev N.A. *Slovesnoe drevo. Proza* [Verbal tree. Prose]. St. Petersburg, 2003. 685 p.

12. Kliuev N.A. *Ia slaviu Rossiiu. Avtobiograficheskaia proza* [I praise Russia: an Autobiographical prose]. *Literaturnoe obozrenie* [Literary review], 1987, № 8, pp. 101–112.

13. Kremneva I.A. *Pohoronno-pominal'nye obriady u russkikh: sviaz' zhivym i umersym* [The funeral rites in Russian: the relationship of the living and the dead]. *Pravoslavnaia zhizn' russkikh krestian XIX – XX vekov. Itogi etnograficheskikh issledovaniy* [Orthodox Russian peasants' life of the XIX – XX centuries. The results of ethnographic research]. Moscow, 2001, pp. 72–87.

14. Kudriachov I.V. *"O, kto poimet? uslychit Psalmy visokoi lad?": motivi i obrazy pesen tsaria Davida v poezii N. A. Kliueva* [Oh, who will understand, will hear the Psalms of the high way?": motifs and images of the songs of king David in the poetry of N. Klyuev]. Available at: [http:// klyuev.org.ua/collegium/kudriachov.php](http://klyuev.org.ua/collegium/kudriachov.php)

15. Loginov K.K. *Traditsionnyi zhiznennyi tsikl russkikh Vodlozeria: obriady, obychai i konflikti* the life cycle of Traditional Russian Vodlozerie: rites, customs and conflicts. Petrozavodsk, 2010. 413 p.

16. Meksh E.B. *"Izbyanye pesni". Obraz Velikoi Materi (religiozno-mifologicheskie traditsii v epicheskom tvorchestve Nicolaya Kliueva)* [Image of the great Mother (religious and mythological traditions in the epic works of Nikolai Klyuev)]. Daugavpils, 1995, pp. 11–38.

17. *Molebnyi peniya* [Prayer]. Available at: [http:// liturgiya.ru/liturgiya.ru/trebi_molebniepenia](http://liturgiya.ru/liturgiya.ru/trebi_molebniepenia) (accessed 20 April 2016).

18. Protoierey [Archpriest] Alexei Uminskii. *Bozhestvennaia Liturgia/ Obiasneniie smysla, znacheniia, sodержaniia: Kheruvimskaya pesn'* [Divine Liturgy. Explanation of the meaning, value, content: the cherubic hymn]. Available at: <http://pravoslavie.by> Херувимская песнь (accessed 02 July 2016).

19. Razumova I.A., Barabanova L.A. *Situatsiia pogrebeniia i pohoronnyi ritual s tochnoi zreniia vzaiodeystviia sotsial'nykh institutov* [L. A. Situation of burial and funeral ritual from the point of view of interaction of social institutions]. *Trudi Kolskogo nauchnogo tsentra RAN. Seriya Gumanitarniye issledovaniia* [Proceedings of the Kola science centre of RAS. A series of Humanities research], 2012, №1 (12), Ed. 3, pp. 42–60.

20. Red'ko Ia.P. *Poetika tsikla "Izbyanye pesni" N. Kliueva: avtoref. diss... kand. filol. nauk* [Poetics of the cycle "Songs of the Izba" N. Klyuev: abstract kand. filol. sci.dis]. Barnaul, 1997. Available at: [http:// www.cheloveknauka.com/poetika-tsikla-izbyanye...klyueva](http://www.cheloveknauka.com/poetika-tsikla-izbyanye...klyueva) (accessed 20 April 2016).

УДК 81

С.А. Соловьева
Череповецкий государственный университет

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРОЗЕ БОРИСА ПАСТЕРНАКА

В статье рассматриваются синтаксические средства организации категории пространства в прозе Б. Пастернака, характеризующейся особой метафоризацией пространственно-временных отношений. Показано, что пространственная модель в прозе Пастернака имеет интерпретационный характер. Выявлена система доминирующих синтаксических средств, в центре которой оказываются безличные предложения.

Монтаж, темпоральность, континуум, темпоральная ось, перцептивная темпоральная ось.